Ганс Христиан Андерсен

Вен и Глен

Близ Зеландского берега, напротив Гольстейнского замка, лежали когда-то два лесистых островка — Вэн и Глэн — с селами и поселками. Они и от твердого берега лежали недалеко, и друг от друга тоже. Но вот один островок исчез. Ночью разразилась страшная буря, море поднялось так высоко, как и не запомнили старики; буря свирепела все больше и больше. Казалось, наступало светопредставление, разверзалась земля; колокола на колокольнях раскачивались и звонили сами собою.

В эту-то ночь остров Вэн и исчез в морской глубине, и следа от него не осталось. Но часто потом в летние тихие ночи, когда море ясно и прозрачно, рыбаки, выслеживавшие угрей при свете укрепленного на носу лодки фонаря, видели (особенно более зоркие) в прозрачной глубине остров Вэн, белую колокольню его церкви и высокие церковные стены. И вот у жителей другого островка сложилось поверье, что «Вэн дожидается Глэна!» Рыбаки рассказывали, что видели исчезнувший остров, слышали даже звон его колоколов; но это им только чудилось. Это, верно, пели дикие лебеди, которые часто нежатся тут на водяной поверхности, их жалобное пение напоминает собой отдаленный колокольный звон.

Было время, когда многие старики из жителей Глэна хорошо помнили ту бурную ночь, помнили еще и то время, когда они детьми переезжали во время отлива узенький пролив, отделявший их остров от Вэна, как теперь переезжают пролив, отделяющий Зеландию от Глэна; вода ведь достигает только оси телеги.

«Вэн дожидается Глэна» — сложилось поверье, и все знали, что придет время, когда оно оправдается.

Немудрено, что многие мальчики и девочки часто думали в бурные ночи: «А вдруг сегодня ночью Вэн придет за Глэном!» В страхе принимались они читать «Отче наш», потом сладко засыпали, а на утро — Глэн со своими лесами, хлебными полями, приветливыми крестьянскими домиками, увитыми хмелем, оказывался на своем месте. В лесу распевали птички, резвились лани, и крот, как ни остро у него обоняние, не чуял еще запаха морской воды.

И все-таки дни острова сочтены; мы не можем сказать наверное, сколько именно времени осталось еще существовать ему, но тем не менее дни его сочтены — в одно прекрасное утро остров исчезнет.

Может быть, ты еще вчера только был на берегу и любовался на диких лебедей, нежившихся на воде между Зеландией и Глэном, смотрел, как скользила около лесистого берега лодка с распущенными парусами, сам переезжал на остров вброд — другой дороги ведь не было, — и лошади шлепали прямо по воде, которая плескалась о колеса.

Но вот ты уезжаешь оттуда, путешествуешь, быть может, по белу свету и возвращаешься на родину лишь через несколько лет. Глядишь — перед тобою огромный зеленый луг, окруженный лесом; перед нарядными крестьянскими домиками благоухают стога сена. Куда же ты попал?

Гольстейнский замок по-прежнему блещет своими золочеными шпицами, но он уже не на самом берегу, а далеко от него! Ты идешь по лесу, по полю, на берег моря... Где же Глэн? Перед тобой нет никакого острова, одно открытое море! Неужели Вэн пришел за Глэном, как говорило поверье? Когда же разыгралась эта ночная буря, когда случилось такое землетрясение, что древний Гольстейнский замок передвинуло на много тысяч петушиных шагов в глубь страны?

Такой бурной ночи и не было; случилось все при свете солнца, днем. Человеческий ум устроил плотины, выкачал воду из пролива и соединил Глэн с твердой почвой. Пролив стал зеленым лугом, покрытым сочной травой, Глэн крепко прирос к Зеландии. Старый замок стоит на прежнем месте. Это не Вэн пришел за Глэном, а Зеландия притянула его к себе своими руками — плотинами,

выкачала воду, разлучавшую ее с островом, и произнесла заклинание, соединившее их брачными узами. И остров принес с собою приданое — Зеландия обогатилась многими десятинами земли! Все это правда, об этом даже опубликовано в газетах. Так вот, поверье-то оправдалось — остров Глэн исчез.